

МИР В ОГНЕ

История Первой и Второй мировых войн в цвете

1914–1945

Дэн Джонс, Марина Амарал

Содержание

Введение

4

1900–1914

Эра подходит к концу

6

1914

Движение к войне

24

1915

Война разгорается

48

1916

Война на истощение

72

1917–1918

Прорыв

96

1919–1929

«Потерянное поколение»

120

1930–1936

Фашизм поднимает голову

144

1936–1939

Тьма сгущается

172

1939–1940

Ураган войны

198

1941–1942

Вторжение

222

1943–1944

Поворотные моменты

252

1944–1945

Освобождение

276

1945–1946

Падение

302

*Благодарности
Фотоматериалы*

327

Введение

28 июля 1946 г. на севере Франции, в маленьком городке Барле-Дюк французский генерал и государственный деятель Шарль де Голль думал о том, каким беспокойным оказался тот отрезок истории, в который ему выпало жить. Барле-Дюк находился в департаменте Мез, и в этом скорбном месте де Голлю предстояло выступить с речью и поделиться своими размышлениями о совсем недавнем прошлом.

Предыдущее поколение вырыло в земле Меза глубокие, сырые, страшные окопы; две гигантские армии, обладавшие адски безжалостным новым оружием, почти год вели здесь страшное побоище и потеряли погибшими без малого три четверти миллиона человек. А за два года до того, как де Голль собирался произнести свою речь, на этой едва оправившейся земле разыгрались заключительные сражения нового страшного конфликта, в которых армии сходились не на жизнь, а на смерть и без всякой пощады истребляли мирных жителей — обыкновенных людей, по несчастью, оказавшихся не в том месте в страшное время.

Де Голль говорил сдержанно, отдавая дань героическому прошлому: это были «величайшие события в нашей истории», и тем, кому выпало участвовать в них, теперь требовалось «не растратить всю силу своих душ». То, что истерзало Мез, он назвал ни много ни мало как трагической «войной длиной в тридцать лет». Можно сказать, это были сполохи пожара, которое полыхало всю первую половину века. Де Голль утверждал: мир сегодня страдает так же, как Европа страдала в XVII в. от Тридцатилетней войны. Через два года Уинстон Черчилль, во время войны премьер-министр Великобритании, обыграл эту же мысль

в первом томе воспоминаний об исторических событиях, которые вместе с другими своими книгами он хотел сделать летописью «новой Тридцатилетней войны»*.

В наши дни мало кто разделяет такую точку зрения. Историкам гораздо удобнее считать Первую (1914–1918) и Вторую (1939–1945) мировые войны двумя близкими во времени, но разными конфликтами, которые, если можно так выразиться, лучше всего хранить на разных полках. Возможно, в этом есть резон, но, что бы мы ни предпочли, где бы ни провели исторические границы, большинство согласится с Черчиллем в том, что 1914–1945 гг. стали временем «двух величайших катаклизмов, известных истории».

Наша книга станет путеводителем по страшным, однако удивительно интересным годам. Это сама история в цвете. Двести снимков, помещенные здесь, сначала были черно-белыми, но для книги каждый из них специально раскрасили. Каждый снимок снабжен небольшим пояснением, создающим для изображения определенный контекст, и в книге они расположены в более или менее хронологическом порядке, так что можно открыть ее на любой странице или прочесть от корки до корки. Мы не делаем попытки подвести солидный исторический фундамент под показанные здесь исторические события. Нет, эта книга предлагает вам увидеть давным-давно известную историю совершенно в новом свете и, возможно, как де Голль в 1946 г. в Барле-Дюке, задуматься о том, *что все это было здесь*.

* Эта и следующая цитаты даны по кн.: Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

Раскрашивание исторических снимков — отнюдь не точная наука. Это очень деликатный технический процесс, требующий, с одной стороны, вдумчивых исторических исследований, а с другой — того, что без обиняков можно назвать художественным чутьем. Раскрашивание не «реставрирует» — не может «реставрировать» — черно-белые фотографии, потому что в них нет спрятанных цветов, которые нужно выискать. Наоборот, оно их добавляет, основываясь на известных фактах и обоснованных предположениях. Это орудие интерпретации, и от пределов его применения нельзя отмахиваться, но нельзя и забывать про них.

И все же не следует думать, что раскрашивание — это нечто несерьезное или «фейковое», как сейчас модно говорить. Очевидно, что у нас, представителей вида *Homo sapiens*, есть глубочайший, врожденный инстинкт реакции на цвет. Он волнует не только разум, но и душу. Лучшие образцы раскрашивания действуют подобно сильнейшему катализатору, усиливая сострадание и ужас, сочувствие и отвращение. На историю мы смотрим глазами не статистиков и аналитиков, а простых людей, точно так же не понаслышке знакомых со страхом, смятением, страстью, притязаниями, гневом и любовью, как те, кого мы видим на снимках. Она побуждает нас задавать вопросы. Она подталкивает нас двигаться дальше, доискиваясь правды в этих исключительных по выразительности сценах. В этом ее цель. В этом ее сила.

Отобрать двести фотографий, которые в полной мере отразили бы историю Первой и Второй мировых войн, трудно, а подчас прямо-таки мучительно. То, что получилось, представлено на этих страницах. Мы надеемся, что книга воздаст почести тому времени, о котором она рассказывает, но по-

нимаем, что их все равно недостаточно. На эту тему написано несметное количество книг, нередко одной-единственной фотографии и подписи к ней посвящалось солидное научное исследование. Мы заранее просим прощения за пропуски и ошибки — все они наши собственные. Мы надеемся, что книга побудит тех, для кого эта тема нова, углубиться в историю, а тех, кто постарше, пересмотреть отношение, казалось бы, к давно известному.

Мы работали над книгой два года, на которые пришлось столетие окончания Первой мировой войны и восьмидесятилетие начала Второй. Мы стали слишком уж часто узнавать о том, что уходят из жизни ее последние ветераны, и сердце щемит оттого, что их остается совсем немного. Лет через десять последние из военного поколения уйдут в иной мир, и их дела и судьбы всецело станут достоянием истории, а не живой памятью. Мы посвящаем свою книгу этим мужчинам и женщинам — среди них есть и герои, и жертвы, но больше всего простых людей, которым выпало жить в страшные времена.

Но наша книга — еще и предупреждение. Работая над ней, мы видим, что во всем мире опять на большую дорогу выходят фашизм, национализм, популизм, антисемитизм, ненависть, слепой фанатизм, расизм, политика исключения, раскола и изоляции. Пусть то, что вы увидите на этих страницах, напомнит вам, куда приводит эта дорога. Мир очень непрочен. Поджечь его куда легче, чем мы думаем.

Марина Амарал и Дэн Джонс
Белу-Оризонти и Стейнс-на-Темзе,

весна 2020 г.

1900—1914

Эра подходит к концу

Светильники гаснут по всей Европе.
При нашей жизни они больше не загорятся.

Эдвард Грей, министр иностранных дел Великобритании, —
редактору Westminster Gazette, 3 августа 1914 г.

20 мая 1910 г. в Лондон съехались представители правящих домов. Ни много ни мало девять королей и императоров, множество принцев, принцесс и правителей хоронили человека, с которым многие из них находились в родстве. Эдуарда VII называли «дядей Европы». Были у него и менее лестные прозвища: «Пузо», за необъятных размеров живот, и «сладожестник», за то, что всю жизнь король был отчаянным ловеласом. При всем при том его официальный титул звучал весьма солидно: «Божией милостью Великобритании, Ирландии и Британских доминионов заморских король, защитник веры, император Индии». Эдуард VII был почти таким же обширным, как и территории, которыми он правил девять лет; блеск империи, казалось, ничуть не тускнел со временем.

Первым среди равных на всех похоронных церемониях был единственный сын и наследник Эдуарда — король Георг V. Кроме горячей любви к ружейной охоте, у отца и сына не было почти ничего общего. Дисциплинированный, прямодушный, помешанный на пунктуальности, Георг (на снимке в центре) продолжил курс Виктории и Альберта, своих бабушки и деда, и вернул монархию на суровый путь служения долгу.

После Георга вторым по важности участником траурной церемонии оказался его двоюродный брат, чье чувство долга в тот день возобладало над личными переживаниями. Колючий, непростой, резкий немецкий кайзер Вильгельм II на этом снимке — сделанном, когда процессия приближалась к лондонскому вокзалу Паддингтон, откуда поездом отправилась в Виндзор, —

крепко сжимает поводья своего коня «сухой» рукой, поврежденной при трудных родах. Он не пылал особой любовью к своему покойному дяде Эдуарду. Здесь, в Лондоне, кайзер оказался в самой сердцевине империи, которой он завидовал, британский военно-морской флот превосходил его собственный, а отношения Великобритании с Францией (так ему казалось) угрожали Германии.

Король, на чьи похороны собралась вся эта блестящая публика, превзошел возлагавшиеся на него ожидания. Очень долго пробыв принцем Уэльским и наследником престола, Берти (так его тогда называли) думал, казалось, только о том, как удовлетворить свои ненасытные аппетиты, от чего его мать, королева Виктория, буквально приходила в отчаяние. Когда в 1901 г. он почти шестидесятилетним вззошел на престол, никто и не думал, что этому человеку предстоит длинный и славный путь.

Но Эдуард сумел удивить всех. Он сыграл на своих сильных сторонах: обаянии, неподдельном интересе к международным делам и явных способностях к дипломатии. Все эти качества очень пригодились, когда в 1904 г. он лично содействовал заключению англо-французского соглашения, получившего название «Сердечное согласие» (*Entente Cordiale*). Вот почему и давние споры, и недавние раздоры между империями были забыты и на время восторжествовал новый для всех дух сотрудничества.

Эдвардианский период (историки часто считают, что он продолжался до лета 1914 г.) оказался последним, названным по имени правившего

тогда монарха. Из сегодняшнего дня те годы часто представляются временем оптимизма, больших надежд, решительного расставания с викторианской чопорностью, но в Соединенном Королевстве уже тогда не все было благостно. В полный голос заявляли о себе профсоюзы. Активно готовилась к выборам партия лейбористов. Женщины решительно требовали права голоса, а суфражистские движения самого разного толка предлагали желающим множество мирных и не очень мирных способов борьбы. Вопрос о самоуправлении в Ирландии, так называемом гомруле, раскалывал общество и был чреват взрывом, потому что и ирландские националисты, и их противники — лоялисты спешно начали вооружаться.

Мало того, Британии предстояло выстроить отношения с континентальной Европой, которая к концу XIX в. раскололась на несколько враждебных друг другу блоков. С 1815 г., когда состоялась битва при Ватерлоо, Британия усиливала политическую и экономическую экспансию, не заключая длительных союзов с европейцами, — эту стратегию принято называть «блестящей изоляцией». Все войны, которые Британия вела с 1815 по 1914 г., за исключением, возможно, лишь Крымской, решали колониальные, а не европейские проблемы. В начале XX в. обстановка менялась прямо на глазах.

Самой огорчительной из новых европейских реалий было противостояние Германии, объединившейся под главенством Пруссии в самом сердце континента, и Франции, все еще болезненно переживавшей утрату престижа и территорий после Франко-прусской войны 1870–1871 гг.

17 декабря 1903 г.

Братья Райт выполняют первый в мире успешный полет на самолете с поршневым двигателем близ города Китти-Хок (штат Северная Каролина); через 8 лет с самолетов начнут сбрасывать бомбы

8 апреля 1904 г.

Подписание англо-французского соглашения, получившего название «Сердечное согласие» (*Entente Cordiale*), открывает новый этап франко-британского сотрудничества после нескольких десятилетий напряженности в отношениях двух империй

Январь–октябрь 1905 г.

Россия переживает революцию, в ходе которой царь Николай II был вынужден согласиться на создание парламента (Государственной думы), и терпит поражение в войне с Японией

10 февраля 1906 г.

Король Эдуард VII присутствует при спуске на воду линкора «Дредноут» (*Dreadnought*), к зависти немецкого кайзера Вильгельма II; начало шестилетней гонки морских вооружений между Англией и Германией

6 октября 1908 г.

Австро-Венгрия формально аннексирует бывшую османскую провинцию Босния и Герцеговина, вызвав этим крайнее недовольство не только боснийских националистов, но и своих соседок Сербии и России

К 1910 г. по объему промышленного производства Германия превзошла Британию и сильно обогнала Францию. Еще одним знаком времени стал бурный рост экономики США, что затормозило развитие экономики Европы, хотя сама Америка в военном отношении оставалась пока «спящим великаном». Хотя экономика Германии росла как на дрожжах, демократические институты ее оставались сравнительно слабыми — а это означало, что кайзер и его военное окружение обладали непропорционально большой властью. Взойдя на престол в 1888 г., Вильгельм II сразу же распрощался с осмотрительным стратегическим курсом своего деда, Вильгельма I, отправил в отставку престарелого виртуоза государственных дел Отто фон Бисмарка, разрушил тщательно выстроенные отношения с Россией и стал выстраивать отношения с Австро-Венгрией.

В 1894 г. в противовес новому германо-австрийскому союзу был ратифицирован союз России и Франции (соглашение о консультациях по всем внешнеполитическим вопросам было заключено еще в 1891 г., а секретная военная конвенция — в следующем, 1892 г.). По сути, это был пакт о взаимной обороне, который Германия, естественно, восприняла как первый шаг к формированию враждебного окружения. «Сердечное согласие» Британии с Францией совсем не походило на оборонительный союз. Тем не менее Германии было совершенно ясно, чью сторону приняла Британия в большой геополитической игре. В годы правления Эдуарда обе империи втянулись в бешеную гонку морских вооружений. Враждебности никто особенно и не скрывал.

Пока заключались и перезаключались союзы, на востоке не слишком хорошо чувствовал себя «больной человек Европы», как называли тогда Османскую империю. К тому времени европейские владения уже успели отложиться от нее, но слабеющая империя по-прежнему угрожала только что возникшим независимым государствам и создавала большие риски для всей системы международных отношений. В 1903 г. сербы (получившие полную независимость в 1878 г.) совершили государственный переворот, жестоко убили своего проавстрийски настроенного короля Александра I из династии Обреновичей и избрали панславянский и пророссийский курс. Обострилась напряженность между Австрией и Россией. Географическое название «Балканы» стало синонимом нестабильности.

Это вовсе не означало, что во всем остальном мире царил покой. В 1910 г. в Мексике, а в 1911 г. в Китае разразились кровавые революции; теперь, в исторической перспективе, понятно, как сильно они подорвали международный порядок. И все же главная опасность исходила от Европы, ведь система формальных альянсов и противоположные интересы разных империй означали, что всего один неверный шаг мог привести — и, увы, привел! — к катастрофическим последствиям.

Вот так и получилось, что представители почти всех монархий Европы, собравшись в Лондоне воздать последние почести Эдуарду VII, и не подозревали, что провожают в последний путь целую эпоху. Не прошло и десятка лет, как многие из этих правителей лишились тронов. А миллионы их подданных ждала еще более страшная судьба.

27 апреля 1909 г.

Мехмед V становится султаном Османской империи вместо своего брата Абдул-Хамида II, но реальная власть в правительстве перешла к националистическому движению младотурков, в том числе к Энвер-паше

20 ноября 1910 г.

Недовольство диктатурой престарелого генерала Порфирио Диаса приводит к началу революции в Мексике; начавшаяся в следующем году революция в Китае заканчивается низложением малолетнего императора Пу И

Апрель–ноябрь 1911 г.

В Агадирском (Втором марокканском) кризисе опасно столкнулись интересы Германии и Франции в Марокко; разногласия удалось урегулировать, однако Британия приняла сторону Франции

Апрель–май 1912 г.

Перспектива введения самоуправления в Ирландии (с парламентом в Дублине) создает угрозу вооруженных выступлений протестантских добровольцев и ответной реакции ирландских националистов

10 августа 1913 г.

Бухарестский договор становится формальным окончанием Второй Балканской войны, вспыхнувшей из-за недовольства этих бывших османских провинций своими новыми границами; регион недаром приобретает репутацию «порохового погреба Европы»

«Прекрасная эпоха»

Еще в бытность принцем Уэльским Эдуард VII сделал открытие, что самое веселое место в Европе — это Париж, где можно найти любое пикантное развлечение «прекрасной эпохи», почти полувекового периода относительной стабильности до 1914 г., когда искусство, прогрессивная мысль и благосостояние в крупнейших городах Европы переживали подъем. Ни одно место в Париже не отвечало принципу радости жизни (*joie de vivre*) лучше, чем монмартрский кабачок «Мулен Руж» с главным козырем — лихим канканом, позволявшим заглянуть под юбки его исполнительниц. На этом снимке виден сад позади здания «Мулен Руж», танцовщицы в пачках, пестрая публика и огромный полый слон — внутри его находился зал для отдыха, где, как поговаривали, можно было спокойно, без свидетелей побаловаться опиумом.

Но то были годы не только безудержных удовольствий. Французское общество глубоко раскололо затянувшееся дело Дрейфуса (1894–1906), когда консервативные, католические, антисемитские круги обвинили в шпионаже в пользу Германии ни в чем не виновного офицера французской армии, еврея по национальности, а в его защиту горячо выступили представители либеральной общественности во главе с прославленным писателем Эмилем Золя.

Дело Дрейфуса начиналось с обвинения в передаче военных секретов, и уже одно это красноречиво свидетельствовало о беззащитности тогдашней Франции. В 1871 г. страну унизила прусская армия: тогда на французской земле, в Версале, была провозглашена объединенная Германская империя. У Франции уменьшилась территория, сократилось население, а его дух оказался подорванным, потому что ее ближайшая соседка стала промышленно развитой и воинственно настроенной страной, и французам, особенно политикам и военным, было из-за чего волноваться.

Новые американцы

Далеко-далеко от Европы и ее обширных империй лежало большое, оптимистично настроенное и энергичное государство — Соединенные Штаты Америки. Весь XIX век США удовлетворяли свои имперские аппетиты тем, что безостановочно двигались на запад, стогнали индейские племена с их земель и под лицемерным лозунгом «явного предначертания» или, иначе, «предопределения судьбы» (Manifest Destiny) мало-помалу захватили весь континент.

Волна новых американцев, хлынувшая к Тихому океану, состояла в основном из бедных европейских иммигрантов, соблазненных обещаниями получения земли, полнейшей свободой и возможностью сделать (или переделать) себя самими. В ходе переписи 1910 г. почти 12 миллионов американцев указали, что родились в Европе; на этом снимке мы видим небольшую, удивленно смотрящую в объектив группу вновь прибывших за первым рождественским ужином в своем новом доме.

Новым американцам было непросто сохранить отношения со своими родными странами. Иммигранты привозили с собой самые разные языки и культуру, однако США проводили традиционную для себя политику разделения, чтобы избежать свойственных Старому Свету конфликтов и проблем, — это было одним из основных положений «доктрины Монро» (1823), определившей контуры военной и внешней политики США.

В то же время способность Америки дать приют и работу такому количеству иммигрантов означала, что она не может и не будет вечно оставаться на обочине. В 1910 г. объем промышленного производства страны был таким же, как и у Британии, Германии и Франции, вместе взятых. Уже один этот факт в соединении с давними и вновь возникавшими связями между Старым и Новым Светом наглядно показывал, что, когда Европа втянулась в войну, «явным предначертанием» США стали поля сражений на другом берегу Атлантического океана.

Век машин

Мир стремительно индустриализировался, но мало какое изобретение символизировало новую механизированную эру лучше «Форда-Т» (на снимке) — не просто автомобиля, а явления, обозначившего бесповоротное наступление автомобильной эры. «Форд-Т» вовсе не был гламурен, но сделался олицетворением современности в стране, как нельзя лучше подходившей для транспортных средств с мотором: на бывших пустырях вставали выстроенные как по линейке пригороды. В канун Первой мировой войны на Америку приходилось четыре пятых мирового автопрома.

Промышленный гений Форда проявился не столько в сфере изобретательства — сам автомобиль придумали в Европе, сколько во внедрении и усовершенствовании технологий производства, позволивших снижать стоимость продукции. В 1908 г. на рынке появились первые «Т», предназначенные для фермеров, ездивших по плохим тогда американским проселкам (вот почему у него так высоко расположены шасси), и стоили они по тем временам немало — целых 825 долларов. Через пять лет цена упала примерно на треть, потому что в Мичигане, на новом заводе, Форд применил совершенно новый принцип конвейерной сборки. Когда в 1927 г. с конвейера сошел последний более чем из 15 миллионов «Фордов-Т», он стоил всего-навсего 290 долларов. Это был первый в истории народный автомобиль.

Механизация, предложенная Фордом, изменила жизнь путешественников, рабочих, бизнесменов и потребителей. Правда, громадный вклад этого автомобиля в облегчение жизни и его экономическую эффективность уже скоро накрыла мрачная тень глобального конфликта, а для него потребовалось массовое производство вооружений и широкого спектра механизированных орудий убийства.

Время летать

Пока Генри Форд ускорял наступление эры автомобилей, другие предприниматели задумались о машинах для покорения неба. В 1903 г. американцы братья Орвилл и Уилбер Райты выполнили первый в мире успешный полет на самолете с поршневым двигателем. Вскоре развернулась самая настоящая «гонка в воздухе», и в 1908 г. лорд Нортклифф, владелец газеты Daily Mail, рассчитанной на массового читателя, пообещал приз в тысячу фунтов за первый перелет через пролив Ла-Манш. 25 июля 1909 г. пионер французской авиации Луи Блерио сделал это за 36,5 минуты, и у широкой публики появился еще один повод отметить наступление новой эры.

И Европа, и Америка кинулись изготавливать аэропланы. В том же 1909 г. в США промышленник Глен Кертисс основал компанию по их производству и разработал классическую модель с толкающим винтом. В этих хрупких сооружениях из металла, брезента, тросов и дерева — по сути дела, велосипеда с крыльями — пилот сидел впереди, как на табуретке, а винт располагался сзади.

Вскоре новыми технологиями заинтересовались военные. На этом снимке 1912 г. Томас Девитт Миллинг испытывает самолет Кертисса для армии США в Колледж-парке (штат Мэриленд); к тому времени эти машины уже умели делать взлет и посадку на палубы морских судов. А очень далеко, в пустынях Ливии, итальянские авиаторы уже сбрасывали первые бомбы с аэропланов*.

В 1917 г. Миллинг отвечал за подготовку американских летчиков для европейского театра военных действий. Время авиационной невинности (до начала Первой мировой войны) продлилось чуть больше десяти лет.

* Первая в истории бомбардировка с самолета была проведена к югу от Триполи лейтенантом Джулио Гавотти 1 ноября 1911 г. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

Гонка морских вооружений

Изобретение аэропланов означало, что на море, всегдашнего защитника Англии от вторжений, больше нельзя надеяться. Однако мало кто сомневался, что безопасность Британской империи пока еще очень сильно зависела от военно-морского флота, подавляющее господство которого вроде бы подтверждалось тем, что в 1906 г. был спущен на воду линкор «Дредноут» (HMS Dreadnought), изображенный на этом снимке (вид с кормы). Этот самый мощный боевой корабль своего времени, оснащенный турбинными двигателями и грозными орудиями с повышенной точностью стрельбы, мог развивать скорость до 21,6 узла в час. «Дредноут» настолько опередил свое время, что его название стало обозначением целого класса военных судов.

Среди множества завистников был и кайзер Вильгельм II, большой любитель всего связанного с военно-морским флотом, в котором он видел орудие распространения немецкого влияния далеко за пределы береговых вод страны, а значит, увеличения ее имперской мощи и приближения к статусу мировой державы. Искренним союзником кайзера в этом деле стал командующий его флотом гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц, которому была поставлена задача всемерно усиливать императорские военно-морские силы.

Задумавшись о строительстве собственных дредноутов, Германия начала стремительную гонку морских вооружений с Англией. С 1906 по 1912 г. обе страны щедро вкладывали силы и средства в строительство военных судов, и уже совсем скоро «Дредноут» по техническим характеристикам остался далеко позади своих одноклассников. Это состязание вызвало настоящий всплеск патриотизма, и, несмотря на все опасения британцев, превосходство осталось за Королевским военно-морским флотом. Немцы не растерялись: вовремя сообразив, что в строительстве надводных судов тягаться с британцами нечего, они сделали ставку на принципиально другой класс военных кораблей — подводные лодки.

книга целиком на сайте

Bookmark